УДК 17.7

Докучаев Илья Игоревич – д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии, проректор по образовательной деятельности и общим вопросам ФГБОУ ВПО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет» (г. Комсомольск-на-Амуре). *E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru*

И.И. Докучаев
I.I. Dokuchaev

Ценность и социально-правовая норма как формы культуры

Статья посвящена выявлению места и роли ценностей и социально-правовых норм в системе культуры. К числу регулятивов социального взаимодействия отнесены экзистенциальные ценности, практическая польза и собственно социальная норма. Показано, что ценности, польза и нормы не совпадают по объему включаемых этими категориями артефактов. Ценность и польза лежат в основе социальной нормы, а социальная норма, в свою очередь, есть выхолощенная ценность, лишенная своей экзистенциальной сущности. Рациональный и практический характер социальной нормы ставится автором статьи под сомнение, поскольку аксиологическое содержание ее никогда не устраняется целиком. Предложена классификация социальных норм, основанная на критериях их формализованности / неформализованности и легитимации / нелигитимации и включающая нравы, каноны, мораль и законы.

Values and social/legal norms as the culture forms

The paper examines the role and place of values and social legal norms within the system of human culture. Among regulative factors of social interaction we consider: existential values, practical utility and social norms per se. We demonstrate that ‘values’ and ‘norms’ are not the same thing if we judge these categories by the respective scope of artifacts they cover. Value and usefulness underlie a social norm, while the latter in its turn can be regarded as an 'emasculated’ value drained of its existential nature. The author puts in question the rationalized and practical nature of social norms, since their axiological content never disappears altogether. The author suggests a classification of social norms based on such criteria as ‘formalization/non-formalization’ and ‘legitimization/non-legitimization’; the classification includes the following types of social norm: customary practices, prescriptions, morality and laws.

Ключевые слова: *ценность, социальная норма, право, культура, польза, мораль, нравственность, закон, обычай.*

Keywords: *value, social norm, law, culture, utility, ethics, morality, morals, customs, statutes, tradition.*

Материей общества являются группы людей (страты), которые объединены определенными социальными связями, регламентирующимися социальными нормами (институтами). Эти нормы, фактически выступающие моделями организации людей в их взаимных отношениях, взаимодеятельности друг с другом, есть духовная сторона общества. Для понимания сущности социальных норм и социальных групп необходимо ввести одно существенное различие, известное еще благодаря социологии Ф. Тенниса. Ф. Теннис различал органические общности и механические общества [1]. Общность есть конкретное единство людей, которые вступают в непосредственные контакты друг с другом, зная при этом нормы, регламентирующие эти контакты. Нормы оказываются настолько же конкретными, насколько конкретны сами группы. Так, институт семьи представляет собой классический пример общности. Состав его определяется той или иной семейной нормой, эта норма известна участникам семьи, и они ей полностью подчинены в ходе устроения семейных отношений.

Совершенно иначе обстоит дело с механическими обществами. Такие социальные явления возникают в ходе процессов глобализации, роста количества членов общества, поверхностных связей между различными обществами и т. п. Механические общества характерны для креативной культуры с ее кризисом социального начала, тогда как в традиционной – они появляются только в эпоху ее классических вариантов. С другой стороны, органические общности, характерные для традиционной культуры, с течением времени все больше и больше утрачиваются. Механическое общество представляет собой открытую совокупность людей, объединенных формальными социальными нормами или абстрактными и интуитивными социальными представлениями. Такие люди могут ничего не знать ни друг о друге, ни о существе формальных норм, их объединяющих, но могут и знать эти нормы или ощущать соответствующие социальные тенденции и явления. Так, жители одного государства могут совершенно ничего не знать друг о друге, но подчиняются они одним законам. Однако в механическом обществе имеется множество различных отношений между людьми, которые, даже ничего не зная друг о друге, подчинены подобным отношениям интуитивно. Эта интуиция или социальное сознание свидетельствует о единстве точек зрения разных людей на те или иные проблемы, демонстрирует сходство мнений людей одного возраста, пола или профессии и образования.

Органические общности есть формы социальной культуры, а механические общества есть формы социального бытия, то есть первые конкретны, являются результатом определенной преобразовательной деятельности, а вторые – абстрактны и являются результатом сложных социальных тенденций и процессов. Исследованием первых занимается социальная антропология и социология культуры, с их этнографическими методами описания социальных норм, а исследованием вторых – отраслевые

социологии (экономическая, политическая, науки, труда, образования, гендерная и т. п.), с их количественными и качественными методами выявления социальных тенденций.

Аксиология последовательно применима только по отношению к органическим общностям. Органические общности подчинены социальным нормам, то есть преобразовательным моделям, которые определенны и, в свою очередь, в основе своей содержат ценностную модель. Необходимо отметить родство определенности и конкретности ценности и социальной нормы органических общностей. Ничего подобного нет у механических обществ. Фактически у них нет ни конкретных ценностей, ни конкретных норм, ибо и те и другие определенны. Социальные же мнения, циркулирующие в механических обществах, крайне расплывчаты, зависят от вопросов социологов, и, следовательно, чрезвычайно абстрактны и чрезвычайно интуитивны одновременно. Вместо конкретных ценностей такие механические общества приобретают своего рода ценностные тенденции. И все-таки, даже такие ценностные тенденции играют роль моделей деятельности людей. Выявление этих тенденций позволяет даже ими манипулировать, используя политические и информационные технологии. Аксиология этих явлений дает нам картину абстрактных и неопределенных, но все же ценностных моделей. По-видимому, снижение определенности есть тенденция развития ценностей. Однако определенность их возрастает благодаря вмешательству политических и информационных технологий, моды, рекламы, пиара и т. п. форм деятельности производства ценностей. Если в традиционной культуре переоценка ценностей – длительный и сложный процесс, то в креативной – результат сознательной деятельности специалистов-технологов. Интересно также отметить, что именно в ценностной сфере происходит этот рост определенности, тогда как на социальных нормах он почти не отражается. Эти явления вновь повышают роль аксиологии как науки, изучающей основы человеческой деятельности.

Между органическим общностями и механическими обществами имеются различные переходные образования. Речь идет о субкультурах. Это результаты дифференциации огромной массы людей, заключенной в механическое общество. Процесс возникновения субкультур сопровождается повышением уровня определенности их социальных норм, ценностных моделей. Чем меньше субкультура, чем их больше, тем определеннее ее социальные нормы и ценностные модели, и тем ближе она к органической общности, и наоборот, чем больше субкультура, чем меньше их в составе механического общества, тем ближе она к нему по своим свойствам, то есть по уровню неопределенности социальных норм и ценностных моделей.

Необходимо также различить еще одну очень важную оппозицию видов преобразования общества: субординационное и координационное преобразование.

Как и любое другое преобразование, социальные процессы направлены на объекты. Такими объектами являются социальные группы и их члены, а также социальные нормы, регулирующие связи между этими группами и

людьми. У всякого социального преобразования имеются цели, эти цели могут носить собственно социальный характер и внешний по отношению к обществу, например, совместное познание, производство вещей, художественное творчество. Вне зависимости от того, на общество, на природу или человека направлены социальные процессы, преследуют ли они познавательные, преобразовательные или творческие цели, они оказываются способами объективной деятельности. То есть объект есть тот мир, на который направлено преобразование. Социум, конечно, тоже есть объект.

И все же, это преобразование различается в зависимости от его социальной структуры. Эта структура может представлять собой симметричное и асимметричное распределение участия субъектов в социально организованной деятельности. Асимметричная организация предполагает выделение одного из субъектов в качестве господствующего. Такая организация называется управлением или субординацией. Симметричная – не предполагает господства кого-либо из участников социальной деятельности, которая поэтому называется координацией. Субординация и координация встречаются как в механических обществах, так и в органических общностях. Поскольку и механические общества нуждаются в управлении своей деятельностью и в ее координации. Уже отмечалось то обстоятельство, что подобное управление даже придает механическим общностям более определенный и конкретный характер.

Управление не выхолащивает из управляемых их субъективный характер, а координация не превращает соответствующую деятельность в субъективную. Оба вида социального преобразования есть способы переходной деятельности, то есть такой, которая обладает и субъективными и объективными аспектами. Управление осуществляется при посредничестве управляемых, причем, это посредничество не ограничивается только механическим усвоением соответствующих приказов, эти приказы субъективно переживаются. С другой стороны, координация осуществляется по закону, который объективирует субъектов деятельности, превращает в функции социальной нормы.

Все виды социального преобразования можно также разделить на четыре основных контекста осуществления координации и субординации, в каждом из этих контекстов будет преобладать либо первая, либо вторая, либо та или иная форма их синтеза. Речь идет о социально-политической деятельности, социально-экономической, семейных и досуговых взаимоотношениях людей. Эти четыре контекста есть социальная проекция важнейших целей человека, связанных как с биологическими, так и с антропными, культурными и социальными особенностями его экзистенции. Управление и производство есть, прежде всего, социальное бытие, семья – социально-биологическое, досуг – антропное. Социально-политическая деятельность такова, что субординационное социальное преобразование резко преобладает в ее структуре над координационным[1]. Социально-

[1] См. об этом исследование В. Н. Шилова [2].

экономическая деятельность и семейные взаимоотношения демонстрируют синтез субординации и координации, причем, в первом случае в этом синтезе преобладает первая форма социального преобразования над второй, а во втором случае – вторая над первой.

В условиях традиционной культуры сакрализация всех сфер социальности приводит к тому, что ценностные модели полностью определяют характер всех форм социального взаимодействия, как субординационных, так и координационных. Государство обожествляется как само, так и в лице своего руководителя; вся сфера профессиональной деятельности (трудмагической, по выражению Н.Я. Марра) пронизана ритуальными практиками; семья – не менее священный социальный институт, чем производство и управление. Даже досуг имеет свои формы сакрализации. Но постепенно все эти явления освобождаются от сакрализации, а вместе с этим освобождением снижается и роль ценностных моделей в их порождении. Происходит это более или менее радикально. Сначала в сфере управления, затем в сфере производства, затем в сфере семьи, а затем в сфере досуга. Именно в такой последовательности располагается уменьшение роли ценностных моделей в различных формах социальности. Они, конечно, полностью не могут быть устранены из социальной жизни человека, но их роль теперь существенна лишь в сфере досуга и семьи и незначительна в сфере производства и управления.

Теперь обратимся к продуктивной стороне социально-преобразовательной деятельности. Материальная сфера ее продуктов – люди, находящиеся друг с другом в конкретных отношениях, в части своего антропного состава не имеет какой-либо существенной онтологической специфики и полностью подчиняется всем тем закономерностям, которые определяют преобразование человека. О связях между людьми речь только что шла. Однако наиболее значимым продуктом социального преобразования является духовная сторона – социальные нормы, – представляющая собой предмет специального аксиологического интереса.

Социальные нормы есть модели социально легитимного поведения. Это сфера деонтологической культуры[2]. Онтологический статус этой сферы крайне сложен. Он представляет собой синтез различных сфер бытия. Чего хочет от человека социальная норма? Прежде всего, приемлемого для него самого и его окружения способа деятельности, а также наличия для осуществления этой деятельности соответствующих качеств. Поэтому социальные нормы включают в свой состав целую серию различных артефактов культуры. Они не могут не быть объективными, ибо не могут не преследовать объективной человеческой пользы. Для того, чтобы обеспечить эту пользу, они также не могут не быть основанными на истинных знаниях. В этом смысле норма оказывается результатом исследования реальности, в которой существует социум, с целью извлечения из этой реальности приемлемого для социума состояния. Норма предлагает социуму такое

[2] Проблема социальных императивов, их границ и облигаторности всесторонне рассмотрена в работе А. Робина [5].

поведение, при котором окружающая его среда окажется приемлемой для него. Так же норма заставляет социум действовать так, чтобы сами члены социума сохраняли его существование, в этом смысле социум заботится с помощью своих норм о себе и своих членах. До тех пор, пока члены социума не выделяют себя из него, ощущают свои свойства производными от свойств социума, они заботятся о социальном бытии больше, чем о своем собственном, ибо это бытие подлиннее собственного, более того, оно одно только и позволяет человеку существовать. С течением времени положение дел изменяется. Собственные взгляды на реальность и социальные нормы приходят в рассогласование. Возникает множество сценариев поведения, между которыми человек получает право выбирать, а количество обязательных для исполнения сценариев сужается до минимума.

Эпоха тотального господства социальных норм (традиционная культура) – это время, когда механические общества не существуют или только начинают формироваться, основным видом социальности являются органические общности. Сокращение такой тотальности и приводит к возникновению механических обществ (в условиях креативной культуры). Это сокращение сопровождается предельной формализацией социальных норм. Однако формализацию не следует путать с легитимизацией социальной нормы. Во всякое время существования социальной нормы имеются более или менее легитимные ее варианты. В эпоху традиционной культуры разница между легитимными и нелегитимными формами не существенна, но постоянно возрастает, в эпоху креативной культуры эта разница имеется с самого начала, причем, нелегитимные формы могут попросту игнорироваться. Нелегитимные виды социальной нормы мы будем называть этическими индикативами, это показатели, примеры, обычаи, которым принято следовать. Принятость их обществом не означает обязательности следования им. Нравственность только в самом начале ее существования, когда она сливается со своей легитимной производной, является императивом поведения, во все остальные периоды она – лишь ориентир поведения. Мораль оказывается в положении ориентира с самого начала своего существования. Легитимные виды социальной нормы (канон и закон) – императивы поведения, которым следовать обязательно, общество отслеживает исполнение своих императивов и устанавливает наказания за их нарушения.

Итак, существуют четыре вида социальной нормы. В эпоху традиционной культуры это: неформализованные, то есть не имеющие письменной рационализированной фиксации, но почти обязательные для исполнения, ощущающиеся членами социума как испокон веков существующие и неотменимые, данные от бога или от священной природы, социальные нормы. Легитимные варианты таких норм – каноны, нелегитимные – нравы. Легитимность неформализованных ощущается лишь как предельность требований общества соблюдать соответствующую норму, нелегитимные нравы во многом так же, как и каноны обязательны для следования им, однако, не ощущаются в качестве священных, предельных,

требующих тщательности и напряжения, особой ритуальной подготовки для своего исполнения.

В эпоху креативной культуры все социальные нормы формализуются. Это означает, что из интуитивных они становятся четко осознаваемыми, даже письменно фиксируемыми. Предельность формализации является легитимизацией. Нелегитимная мораль есть извечный предмет отрицания, преодоления, споров. Легитимный закон – предел допустимого отклонения от морали, за нарушение которого предполагаются юридические санкции к преступнику.

Следует отметить, что все социальные нормы в той или иной мере проникнуты ценностными ориентациями[3]. В силу того, что социум сам является субъектом, он в своем существе, то есть в содержании своих норм, не может не иметь ценностей. Однако по мере объективации, формализации социума и его норм ценности выхолащиваются из их содержания, но не исчезают вовсе[4]. Предельной наполненностью ценностями отличаются неформализованные социальные нормы, а из них – нравственность. Предельной обесцененностью отличаются формализованные социальные нормы, а из них – юридические законы[5]. Но анализ юридических кодексов показывает, что они в ряде своих вариантов демонстрируют значительную роль субъективных ценностей, не имеющих ничего общего с пользой, которую закон должен приносить своим исполнителям, или объективным здравым смыслом, на котором основывается закон.

Подведем итоги. Ценности и нормы существуют в мире других результатов культуры, определяя их в качестве моделирующей основы и входя в их структуру. Соотношение ценностей, норм и других артефактов культуры можно представить в виде таблицы 1.

---

[3] Удачной, хотя и не лишенной недостатков теоретической элегантности, версией различения норм и ценностей представляется концепция А. А. Ручки. Он связывает ценности с целью, а нормы со средствами человеческой деятельности [3, С. 7].

[4] Характерным примером смешения социальных норм и ценностей, восходящим еще к неокантианской традиции, является книга В. В. Ильна «Аксиология». Несмотря на понимание иррациональности ценностей и объективности социальных норм, он пишет: «Предмет аксиологии – деонтологическая среда и механизмы ее обязывающего влияния, действенные отображения сферы должного на сферу сущего» [4, с. 11]. Между тем, деонтология намного шире аксиологии.

[5] Соотношение между ценностью и юридическим законом подробно рассмотрено в книге Г. Гауса [6].

Таблица 1

Ценности и нормы в системе культуры

<table>
<tr><td colspan="6">Деятельность как отражение и изменение бытия человеком и обществом</td></tr>
<tr><td colspan="5">→ переходные формы
взаимодействия субъектов и объектов</td><td>→ чисто объективные формы (познание и эксперимент), результат - истина</td></tr>
<tr><td colspan="3">→ субъективно-объективная
коммуникация, результат – деонтологические формы</td><td colspan="2">→ чисто субъективные формы отражения объекта</td><td>→ объективно-субъективное Преобразо-вание, результат - польза</td></tr>
<tr><td colspan="2">→ формальные (императивы)</td><td colspan="2">→ неформальные (обычаи)</td><td>→ художественное творчество и восприятие, результат – художественный образ</td><td>→ ценностно-ориентационная деятельность, результат – ценность</td></tr>
<tr><td>→ легитимные (юридические законы)</td><td>→ нелегитимные (мораль)</td><td>→ легитимные (каноны)</td><td>→ нелегитимные (нравы)</td><td colspan="2">-</td></tr>
</table>

Литература и источники:

1. Теннис, Ф. Общность и общество: Основные понятия чистой социологии / Ф Теннис. – М. : Владимир Даль, 2002. – 452 с.

2. Шилов, В. Н. Политическая аксиология / В. Н. Шилов. – Белгород : Логия, 2001. – 96 с.

3. Ручка, А. А. Социальные ценности и нормы / А.А. Ручка. – Киев : Наукова думка, 1976. – 152 с.

4. Ильин, В. В. Аксиология / В. В. Ильин. – М. : МГУ, 2005. – 216 с.

5. Robbin, A. A Theory of Value and Obligation / A. A. Robbin. – N. Y. : Croom Helm, 1987. – 262 p.

6. Gaus, G. F. Value and Justification / G. F. Gaus. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990. – 540 p.